

К 65.6-64

Ц-21

420009

Валентина Ивановна

Просто

ЖИЗНЬ

Национальная библиотека ЧР

00420009

420009

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВА

ПРОСТО ЖИЗНЬ

ОЧЕРКИ

ЧУВАШСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Чебоксары — 1963

Герои очерков — наши современники, которые трудятся на разных предприятиях г. Чебоксар. Среди них лучшая монтажница электроаппаратного завода Анфиса Ивановна Алексеева, награжденная за свой самоотверженный труд орденом Ленина; бетонщица Елена Гавриловна Платонова — депутат Верховного Совета Чувашии двух созывов; начальник цеха Чебоксарского хлопчатобумажного комбината Нина Павловна Юхтанова и другие. Все они — люди разного возраста и разных судеб, но одинаково влюбленные в свою профессию, в жизнь. Они не совершают громких подвигов, не делают ничего необыкновенного, выдающегося, но именно их трудом и трудом сотен подобных им скромных тружеников, для которых превыше всего их рабочая совесть, и строится коммунизм, день ото дня ближе становится заветное «завтра».

MV 420009

ПРОВЕРЕНО ЧУВАШСКАЯ
2020 РЕСПУБЛИКАНСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

г. Чебоксары

ОБЫКНОВЕННЫЙ ХАРАКТЕР

Девчата заметно приуныли. Неужели это про них все говорят, что более языкастых, боевых свет не видывал, что кто-кто, а эти уж за словом в карман не полезут? Даже Августина Зайцева и та лишь молча вертела в руках какую-то веточку да время от времени поглядывала в окно. Но вот, хрустнув, веточка отлетела в сторону.

— Ага, голубчики, явились, наконец!— тон, каким были сказаны эти слова, мало хорошего предвещал тому, для кого они предназначались.

К растворному цеху Чебоксарского завода железобетонных изделий № 1 один за другим подъезжали самосвалы.

— Э-ей, девушки, растворчику, да побыстрей!

— Ах, им побыстрей, скажите, пожалуйста! Вы бы еще к самому обеду явились.

— Мы тут с семи утра без работы загораем, а они только в десять машины подают. До каких же пор это будет продолжаться?— возмущение загладели бетонщицы.

— Что же вы на нас-то накиннулись?— примирительно заметил один из шоферов.— Когда нам прикажут, тогда и выезжаем. Это вы уж с начальства нашего спрашивайте.

— И спросим!

Женщина, что произнесла эти слова, вызывающе посмотрела на шофера. Миловидное лицо ее покраснелось от возбуждения, большие карие глаза, казалось, буравчиками сверлили незадачливого говоруна.

— И спросим!— еще раз повторила она, энергично воткнув в песок лопату.— Еще как спросим!

И вот бригадир бетонщиц Елена Платонова у начальника автобазы. Тот обстоятельно объясняет ей, что автобаза еще только организовалась, много неполадок; вот, например, воды в гараже нет.

— Но вы не беспокойтесь. Мы очень хорошо понимаем, что вам машины нужно выделять в первую очередь. Завтра все будет в порядке.

Но ни завтра, ни через два дня ничего не изменилось.

Как же, наконец, расшевелить транспортников? Ведь нельзя, нельзя бетонщикам столько простаивать. Раствор — это же сердце стройки. И вот Платонова идет в совнархоз, прямо в приемной пишет докладную записку председателю. «Если машины не будут приходить к восьми утра, то может сорваться государственный план», — ложатся на бумагу тревожные слова.

А наутро, придя на работу, бетонщицы еще издали увидели цепочку самосвалов.

— Долго спите, девушки!— приветствовал их знакомый шофер.—Мы давно уж вас дожидаемся.

Подошел представитель транспортного отдела, кисло улыбнулся:

— Ну и характер у вас, товарищ Платонова. Зачем было такой шум поднимать? Какая разница: днем раньше, днем позже, но мы и сами бы все уладили.

— Еще и не такой шум надо было поднять!— отрезала бетонщица.—Нужно серьезнее подходить к делу.

* * *

Пятнадцать лет назад приехала в Чебоксары девушка. Привезла она с собой немудреные девичьи наряды, свидетельство об окончании семилетки да заветную мечту — стать строителем.

— Поезжай. Знаем, от работы ты прятаться не привыкла, а умелые руки на стройке сейчас очень нужны,—сказали ей в Цивильском райкоме, вручая комсомольскую путевку.

В отделе кадров одного из строительных трестов Чебоксар ей сразу отказали.

— У вас ведь нет профессии. А ученики нам пока на требуются. Вот разве грузчицей пойдете?

Грузчицей?.. А сможет ли она? Конечно, силенок хватает, в колхозе всякую работу приходи-

лось делать. Но здесь ведь совсем другое дело. Впрочем, была — не была...

И вот, вооружившись лопатой, вместе с другими девушка грузит песок, щебёнку, кирпич. Вскоре ее назначили бригадиром грузчиц.

Когда в районе хлопчатобумажного комбината началось строительство школы, Лена перешла туда разнорабочей. Как она работала? Да уж не отставала от других. Впрочем, лучше смогли бы рассказать об этом ее многочисленные Почетные грамоты. Произошли в то время изменения и в личной жизни Лены. На стройке познакомилась она с бетонщиком Степаном Платоновым и вскоре вышла за него замуж. А когда родился сынишка, Лена попросила перевести ее в растворный цех железобетонного завода: давно уже, соблазненная рассказами мужа, сама хотела стать бетонщицей. Было это в 1953 году.

На растворном узле работало тогда тридцать пять человек. Состав бригады все время менялся, беспорядков здесь было хоть отбавляй. Не хватало лопат, тачек. Ни у кого не было своего постоянного места, никто заранее не знал, какие работы предстоят на завтра. Работницы бестолково тыкались с места на место, мешая друг другу, а бригадир почти не показывался в цехе, контроля не было никакого.

— И что за работа такая,— горячилась Лена.

— Не первый год так работаем. Не нами так заведено,— отвечали работницы постарше.

— А тебе что, больше всех надо? — удивленно вскинул брови начальник цеха, когда Лена сходу выложила ему все, что накипело на душе.

— Порядка нет у вас. И народу лишнего много. Тут и половине-то делать нечего.

— Ха-ха-ха! Ну и шутница же ты, Платонова, — не выдержал тот. — Мы, наоборот, думаем еще подбросить к вам людей. План-то с грехом пополам выполняете, а раствор, сама знаешь, как нужен.

— И не будем выполнять, если все по-старому останется, — в сердцах хлопнула дверью Лена.

Неизвестно, как бы повернулось дело, — отступить Платонова не думала, — но помог случай. Заболел бригадир, и на его место поставили Лену. Начала она с того, что строго распределила между людьми обязанности. Не стало прежней сумятицы и толкотни. Выработка росла. Не понизилась она и тогда, когда уволились три работницы. Посоветовавшись с девчатами, взять на их место новеньких бригадир отказалась. Потом ушли из цеха еще несколько человек и, наконец, в бригаде осталось всего десять бетонщиц. Но на каждую из подруг Лена надеялась теперь, как сама на себя. Знала, что никто не подкачает. С того времени слава о бригаде бетонщиц, возглавляемой Еленой Платоновой, прогремела по всем стройкам республики, а вскоре передовая работница была награждена высшей в стране наградой — орденом Ленина.

Говорят, дома даже стены помогают. Ну, а со своим стареньким, знакомым до каждой доски растворным узлом бетонщицы за годы работы свыклись как с родным домом. И когда стали поговаривать о том, что скоро их переведут на второй завод железобетонных изделий, где производство раствора почти целиком механизировано, все члены бригады, в том числе и сама Лена, сильно встревожились. Что-то будет? Здесь ведь тачка да лопата, вот и вся дорога. Все от них самих зависит. А кто знает, что ждет на новом месте?..

Когда же девчата впервые пришли на ЖБИ-2, то и вовсе оробели. Их оглушил шум механизмов, поразили огромный размер бетоно-растворного цеха — целый многоэтажный дом! Больше месяца они учились, заново осваивали профессию (теперь они уже назывались не бетонщицами, а операторами), и с каждым днем им все больше нравилось на новом месте. Ведь почти все здесь делают механизмы: цемент наверх качают, подают в бункера песок, щебенку, воду, определяют дозировку, заставляют вращаться бетономешалку. Оператор же стоит себе за пультом управления и следит за показаниями приборов, работой механизмов.

Да, работать, конечно, стало намного легче. Легче и — трудней. Потому что профессия опе-

ратора требует знаний в объеме десятилетки. Нужно уметь держать в чистоте механизмы, правильно разбираться в них, нужно, наконец, уметь быстро работать, чтобы машины не простаивали. Но и на новом месте бригада Платоновой скоро вырвалась вперед. Проворные, работающие женщины день ото дня перекрывали норму, копили крупицы опыта, осваивали «секреты» мастерства. И снова первой советчицей была для них Лена, быстро овладевшая всеми смежными профессиями, снова равнялись они на своего бригадира.

Что, казалось бы, трудного быть бригадиром? Правильно расставить людей, обеспечить всех работой; а испортился транспортер, плохо отрегулированы механизмы, не подходят вовремя самосвалы — на то есть начальство повыше. Но не такой человек Платонова, чтобы уйти в сторону, отмолчаться. Непримиримость ее к недостаткам вошла на заводе в поговорку. Как-то в цехе «закапризничала» растворомешалка. Неплотно был подогнан затвор и через щель просачивалась вода, отчего раствор получался некачественный. Платонова забила тревогу. Резко поставила вопрос перед ремонтниками, перед руководством цеха, а когда и это не помогло, пошла к директору.

Рассказывая об этом случае, Михаил Васильевич Шувалов, директор завода, замечает:

— Ведь это вовсе не входит в рамки бригадирских обязанностей. Все дело в человеческом долге, в долге перед собственной совестью...

Так что стоит ли удивляться авторитету Лены Платоновой, большому уважению, с которым здесь каждый отзывается о ней, доверии, которое оказывают ей люди. Она — член женсовета, председатель цехкома профсоюза, и кроме того...

— От имени коллектива ЖБИ-2 вношу предложение выдвинуть кандидатом в депутаты Верховного Совета ЧАССР бригадира операторов Платонову Елену Гавриловну, — под дружные аплодисменты произносит директор завода Шувалов.

К Лене повернулись дружеские лица, все, улыбаясь, продолжали аплодировать, и громче всех — члены ее бригады. А сама Лена, прижав к груди руки, не могла справиться с охватившим ее волнением. Бойкая, порой задиристая, сейчас она, слушая, что говорят о ней с трибуны, как будто потеряла дар речи.

— Добросовестная, хорошо работает...

— Отзывчивая, всегда в беде поможет.

— Хорошим депутатом была. Верим, и на этот раз оправдает наше доверие...

Так же вот краснела и смущалась Лена четыре года назад, когда впервые выдвинули ее кандидатуру в Верховный Совет. Как она боялась тогда! Справится ли, сумеет ли быть полезной своим избирателям? Особенно пришлось поволноваться ей после первой своей встречи с ними. Сколько ей тогда дали наказов! Она едва успевала записывать.

И вот в этом году Платонова вновь, уже второй раз подряд, избрана депутатом Верховного Совета Чувашии.

Поздний вечер. Прикрыв газетой лампу, чтоб никого не тревожить, Лена продолжает разбираться в своем депутатском хозяйстве. Перебирает толстую папку бумаг, заявлений. Одни из них написаны неумело, от руки, на других официальные штампы самых разных учреждений. «Депутату Верховного Совета Чувашской АССР Платоновой Елене Гавриловне. На ваш запрос отвечаем, что...» Десятки бумаг, и за каждой — чья-то судьба, чья-то беда.

На глаза попадает листок из депутатского блокнота. На нем одна лишь фамилия, но самой Лене эта короткая запись напоминает о многом. Как живая встает перед глазами маленькая заплаканная старушка: ее выгнал из дома великовозрастный сынок. Даже сейчас Лена с трудом сдерживает возмущение: как все это ей дико...

Сколько народу перебивало за эти годы у депутата Платоновой. Кто — в приемные дни, кто так и домой приходит, а большинство просто отзывает ее во время работы в сторонку: «Лена, помоги!» И она помогает. Одному хлопочет насчет квартиры, другому помогает устроить в ясли ребенка, вместе с третьим добивается, чтобы отремонтировали его дом. Конечно, ничто не получается само собой, всякая, порой даже

самая пустяковая просьба, требует много душевных сил, времени и настойчивости.

Несколько раз обращались к ней жильцы одного стройтрестовского общежития.

— Нам неверно начисляют квартплату. Вместо восемнадцати квадратных метров платим за двадцать.

Платонова писала в соответствующие инстанции и получала оттуда успокоительные отписки: «проверим», «разберемся», «меры принимаются», но все оставалось попрежнему. Лена продолжала требовать, настаивать, кое с кем и поговорила крепко.

— Сколько мне эта Платонова крови перепортила! И кто только ее выбирал в депутаты?— жаловался один руководящий товарищ из стройтреста.

Но Лена добила своего. Вскоре ей сообщили, что квартплата теперь взимается правильно.

Лена иногда даже сама удивляется, как ее на все хватает. Ведь помимо депутатских обязанностей у нее еще работа, семья. Иной раз впору самой было просить о помощи. В последнее время сильно пошатнулось здоровье мужа. Да и за ребятишками глаз да глаз нужен.

Хоть и в школу теперь уже оба ходят, и учатся хорошо — ударники, и помощниками растут, а все материнское сердце беспокойно за них. Не зря люди говорят: маленькие дети — маленькие заботы, большие дети — большие заботы.

Лена смотрит на часы. Ох ты, уже первый час, надо кончать скорее.

на линию выходит теперь больше автобусов. Заасфальтировано несколько улиц, отремонтированы колонки, наладилось с освещением, капитально отремонтированы дома №№...»

И все это ее депутатские дела, мерило ее общественного долга, ее совести. А совесть у Лены беспокойная. Если она видит, что где-то обидели человека, что кому-то нужна поддержка, она не успокоится до тех пор, пока не поможет; если заметит негосударственный подход к делу, непременно вмешается.

Такой уж у нее характер. Обыкновенный—советский.

ПО ТРУДУ И ЧЕСТЬ

Протяжно забасил заводской гудок: четыре часа, конец смены. И дверь с надписью «Партком» теперь почти не закрывалась, будто магнитом притягивая к себе людей. Вот она снова открылась, пропуская в приемную невысокую худощавую женщину в синем рабочем халате. Женщина пристраивается на стуле у окна, заметно волнуясь, в который раз уже перелистывают Устав, пробегает взглядом по знакомым строчкам: «Членом партии может быть...»

— Алексеева! Пожалуйста, зайдите,— слышит она вдруг.

За длинным столом, покрытым красным сукном,— члены парткома. Здесь же — секретарь цеховой парторганизации Георгий Федоров.

— В первичную партийную организацию четвертого сборочного цеха поступило заявление от монтажницы Алексеевой Анфисы Ивановны,— отдельно, немного официальным и торжественным тоном произносит он.

— Неужели это Георгий, ее напарник, веселый шутник Гоша? Как непривычно звучит его голос, какой он в этот миг серьезный, собранный, как будто даже и ростом выше стал. Да и все сидящие за столом кажутся ей сейчас и знакомыми, и незнакомыми. Каждого из них она хорошо знает, не раз приходилось сталкиваться на работе. Но сейчас они — партийная совесть завода, и перед ними кандидат в члены партии Анфиса Алексеева держит ответ.

— Как работаете, товарищ Алексеева?

— Норму выполняю на сто пятьдесят—сто семьдесят процентов.

— Нравится работа монтажницы?

— Как же можно не любить свое дело?

Еще вопросы, волнение, — и вот она слышит:

— Кто за то, чтобы принять Алексееву Анфису Ивановну в члены КПСС, прошу голосовать...
Единогласно.

Вышла Анфиса и в себя придти не может. Радостно у нее на душе, и немного обидно: готовилась к приему как к большому экзамену, всю жизнь день за днем перебрала, готова была к самому неожиданному, самому «трудному» вопросу, а задавали — легче не придумаешь: «Любите ли свою работу?..»

— Ну, Фиса, поздравляю, поздравляю, — это уже Георгий тормозит ее, руку жмет. И улыбка во все лицо. — Вот ведь везучий я человек. Снова

первым поздравляю тебя. Как и в тот раз, помнишь?

Еще бы не помнить Анфисе, такое никогда не забывается. Было это в канун сентября 1962 года. Стрелка часов уже приближалась к двенадцати, когда в дверь постучали.

— Жора?! Ты что это на ночь глядя?— даже испугалась она, увидев на пороге Федорова.

— Газеты видела?— одним дыханием выпалил тот.— Тебя орденом Ленина наградили!

— Да ты что? Разве ж такими вещами шутят?

— Фу, Фиса, какие шутки. Читай сама. Вот. Указ. «О награждении работников, наиболее отличившихся при сооружении теплоэлектростанций, производстве и освоении новых энергетических агрегатов». Так... «Наградить орденом Ленина...» Вот, смотри: «Алексеева Анфиса Ивановна, монтажница Чебоксарского электроаппаратного завода».

Почти всю ночь пролежала она с открытыми глазами: неужели это парвда? Может, все-таки тут ошибка?

На следующий день — даром что воскресенье — дома у нее перебывали почти все рабочие участка. С цветами, с вином, с самими сердечными поздравлениями.

— Ну-ка, хозяйка, выставляй на стол, что повкуснее. Такое событие, да чтоб не отпраздновать...

А вскоре ее пригласили к себе на сбор третье-

классники. Ох, и дотошный же это оказался народ! Все им надо знать: что на заводе делают, за что ее наградили орденом. Анфиса старалась получше, понятней растолковать все ребятам.

— Вот вы, ребята, наверно, никогда не перепутаете тетрадки, по почерку узнаете, кто писал, да? Так вот и мы, монтажники, имеем каждый свой «почерк». Потому что, когда монтажник приступает к работе, перед ним лишь голая рама да схема, где указано, какие комплекты приборов с какими соединить. А как вести провод — это каждый волен решать по-своему. И только опыт да наметанный глаз могут подсказать, как выбрать самый короткий путь, как смонтировать провода, чтоб они без толку не переплетались друг с другом, чтоб даже внешний вид у панели был красивый. Ну и, конечно, панель чтобы была надежной, недаром она так и называется «панель защиты». Без наших панелей не обходится ни одна электростанция страны, будь это такой гигант, как Куйбышевская ГЭС, или станция поменьше.

Когда Анфиса Ивановна кончила, ее забросали вопросами. Особенно старался вихрастый большеглазый мальчуган:

- А сколько метров длина и ширина у панели?
- Сколько штук делаете за месяц?
- А со скольких лет принимают на завод...
- Хватит, хватит, — пыталась утихомирить его учительница, — совсем замучили нашу гостью.

— Ну, я еще только один, самый последний, можно?—И не дожидаясь ответа, скороговоркой выпалил:—А вы очень рады, что получили орден?

Алексеева даже засмеялась невольно:

— Ну конечно. Очень и очень рада. Только орден этот дали не только мне одной, а всему участку это награда. Вот приходите как-нибудь на завод, я вас со своими товарищами познакомлю. Знаете, какой у нас народ на участке хороший...

И в самом деле, народ — лучше не придумаешь. Гоша Федоров, Шура и Тимофей Боженко, Тамара Путевская, Белоусовы — муж и жена, — мастер Александр Горшков... Не год и не два проработала она с ними бок о бок, не один крепкий орешек, подкинутый жизнью, приходилось разгрызать вместе. Участок стал для нее вторым домом, здесь она получила настоящую рабочую закваску, здесь же нашла свое призвание.

Призвание... Какими несхожими путями люди идут к нему. Один с детства, со школьной скамьи, лелеет заветную думку, другой немало поплутает, прежде чем найти свою «точку», свое место в жизни; третьему же приходит на помощь счастливая случайность. Десять лет назад Анфиса и понятия не имела, что это за профессия такая — монтажница. Пришла она на электроаппаратный из одной маленькой артели, где работала бухгалтером. Начинать приходилось с азов. Только на беду, учитель попался неудачный: угрюмый, всем

недовольный и совершенно безразличный к ее обучению. Анфиса только и слышала от него: «подай то», «принеси это», «завинти гайку». Винты, гайки любой за неделю научится крутить, наука не хитрая. А вот поработать бы самостоятельно. Попробовала своему учителю об этом заикнуться, тот сразу отрезал: «Зачем? Все равно не быть тебе монтажницей. Не женское это дело».

Отошла Анфиса в сторону, слезы глотает: «Неужели и вправду мне здесь не работать, только и могу на счетах щелкать...» А потом решила повнимательней приглядываться к движениям рук опытных рабочих. Так «приглядку» проучилась месяца два и, наконец, решила рискнуть. Как-то попросила мужа (он тогда в том же цехе маляром работал):

— Коля, покрась-ка мне ту панель, поменьше которая. Попробую смонтировать...

Немало пришлось молодой женщине попотеть над своей первой панелью. Зато сколько радости было, когда ОТК принял ее без единого замечания!

Как говорится, лиха беда начало. Вслед за первой появилась вторая панель, смонтированная руками Алексеевой, третья, четвертая, десятая... И вдруг в цехе с удивлением обнаружили, что новенькая-то — ого! — уже наступает на пятки куда более опытным старожилкам. А вскоре впереди ее была только Поля Терюшина. Уж на что у Анфисы быстрые руки, а у той еще быстрее;

у одной высокие показатели — у другой еще выше. Никак близко к себе не подпускает, хоть что ты делай.

Больше двух лет понадобилось Анфисе, чтобы догнать Терюшину, и с тех пор подруги-соперницы шли наравне, по очереди опережая друг друга...

Не раз присваивали Анфисе звание «Лучшая по профессии», отмечали благодарностями в приказах, не раз доводилось ей сидеть в президиуме торжественных собраний. Но у известности есть и своя обратная сторона, и немало шипов и колючек доставалось на ее долю. Была и зависть, были недоверчивые взгляды: в самом деле, откуда такой поразительный разрыв, в чем секрет ее высоких процентов? В цехе многие работают замечательно, дают 120—135 процентов нормы, а у Анфисы — 160. Сто шестьдесят! Кое-кто из тех, кто слишком равнодушен к чужим заработкам, всерьез подозревал даже, что «начальство» специально выделяет для нее работу полегче да повыгодней, чтоб при случае похвалиться: вот, мол, каких передовиков мы выращиваем. Как-то один такой любитель «длинного рубля» взбунтовался было:

— Не буду я делать эту панель, на ней ничего не заработаешь.—И с ехидцей мастеру:—Алексеевой-то, небось, не даете ее, как же, боитесь, что оскандалится ваш передовик.

Послушала Анфиса, послушала и — в контору:
— Давайте мне эти панели.

И всегда-то она быстро работала, а в этот раз просто не уследить за руками. Что ни день — панель готова. А норма десять-двенадцать штук в месяц.

— Ну и работаешь ты, Фиса, будто семечки щелкаешь,—восхищенно говорили другие монтажники.

А ей особенно нужно было тогда не подкачать: уж очень хотелось доказать, что любая работа «выгодна», если трудиться на совесть и душу в труд свой вложить. И, конечно, доказала. И на этот раз у нее были самые высокие показатели на участке!

Так что «секрет» высоких процентов Алексеевой нехитрым оказался: быстро работать умеет, но не спешит — спешка-то одна помеха делу,— рабочее место у нее всегда в порядке, цену минуте знает — вот они, секреты мастерства, каждому доступны. Правда, многое и от характера зависит: с детства еще, за что, бывало, не возьмется — не успеешь оглянуться — уже и готово у нее все. Да и война многому научила. Отец на фронте погиб, мать часто хворала, семья же большая. Анфисе—старшей — пришлось бросить школу, взять на себя все хлопоты по дому, а потом и работать пойти вместо матери в лесхоз. Бывало, от зорьки до темна на ногах, чуть ли ни бегом все делала... Вот она, быстрота-то ее, откуда взялась. И как тут не улыбнуться, когда мастер Горшков другой раз полушутя, полусерьезно скажет:

— Понятно, почему у тебя работа спорится. У тебя ведь даже походка особенная, быстрая,— и убежденно добавит:—Прирожденная ты, Анфиса, монтажница.

Прирожденная монтажница... Впрочем, так теперь думает не один мастер. Ведь всю смену на людях: и плохое, и хорошее — все на виду. Труд на участке нелегкий, недаром здесь большинство монтажников мужчины. И товарищи отлично понимают: «случайно», «самим собой» высоким показателям неоткуда взяться. Так же, как не может быть случайным и другое. Вот Алексеева первая предлагает получать на участке зарплату без кассира. А вот она сама вызвалась монтировать первую, очень сложную панель для Куйбышевской ГЭС, с непривычки дело подвигается медленно, а кто не знает, как много значит быстрота при сдельщине. А вот несколько обеденных перерывов подряд Анфиса бегает в завком, добиваясь пособия для одного рабочего со своего участка, у которого жена на бюллетене, да и сам он еще не оправился после болезни. А совсем недавно, когда заболела ее соседка, Алексеева осталась после смены, закончила за нее монтаж, хотя она кормящая мать, имеет полное право уйти на час раньше.

Казалось бы, все это мелочи. Но когда одна такая «мелочь» нанизывается на другую, из них рождается уважение. Уважение, которое выпадает на долю немногих. И разве не самое яркое

его проявление, что уже несколько лет подряд Анфиса Ивановна — бессменный профгруппорг участка? И как ни отнекивалась, как ни ссылалась на занятость, не переизбрали её и нынче.

Кто хорошо знает Алексееву — диву дается, как ее на все хватает? У нее трое детей, оба старших — мальчики, а прошлым летом родилась и долгожданная дочка. Много радости принесла она в дом, а еще больше хлопот. Разве сосчитаешь, сколько «сверхурочных» изо дня в день приходится каждой женщине, особенно матери, отрабатывать дома... А Анфиса умудряется еще выкроить время и для общественной работы. Она член цехового комитета профсоюза, член завкома. А вести профсоюзную работу — ох, и нелегкое это дело: тут и помощь больным, и разбор жалоб, и квартирные вопросы, и распределение мест в детские сады и ясли. Вопросы сложные, подчас щекотливые, и сколько нужно иметь такта, человечности, житейской мудрости, чтобы не ошибиться, в первую очередь помочь тому, кто больше в этом нуждается. Ну, как, например, быть, когда цеху дали всего одно место в ясли, а заявлений двенадцать? И той очень нужно, и у другой безвыходное положение. Вот и решай тут как хочешь... А после цехкома Анфиса снова и снова идет в заводской комитет, приступом берет председателя.

— Дайте еще хоть одно место. Очень нужно помочь одной нашей работнице. Так нужно, что

будь у меня ребенок в яслях, свое бы место ей отдала...

...Утро. Сотни, тысячи людей спешат на работу. Далеко вокруг разносится смех, обрывки разговоров. Вот в проходную Чебоксарского электроаппаратного завода входит шумная толпа рабочих. Среди них и невысокая женщина в скромной рабочей одежде. Привычным движением раскрывает перед вахтером пропуск: «Алексеева Анфиса Ивановна, монтажница С-4». Уже в цехе догоняет ее протяжный гудок — смена началась. Здравствуй, новый день!...

ПРОСТО ЖИЗНЬ

В этой истории нет ничего исключительного. В ней рассказывается о самой обычной человеческой судьбе, о женщине, молодой еще, ставшей командиром производства. Как и всем ее сверстникам, которым сейчас за тридцать, ей пришлось пережить и голодное детство военных лет, и трудности послевоенной разрухи, когда мальчишкам и девчонкам довелось слишком рано взрослеть, задумываться о куске хлеба, о профессии, но посчастливилось узнать и радость творческого труда. Может, на долю героини нашего очерка выпало немного побольше невзгод и жизненных потрясений, чем кому другому. Ну, а в остальном она такая же, как и все, в ее судьбе как в зеркале отражается судьба целого поколения.

* * *

Нину Павловну Юхтанову некоторые по старой памяти называют еще девичьей фамилией — Хлони́на. А Хлонины — фамилия на Чебоксар-

ском хлопчатобумажном комбинате знаменитая. Здесь работает старший брат Нины Павловны, Анатолий с женой, когда-то строил первую очередь комбината ее другой брат — Виктор. Здесь же на катере «Текстильщик» плавал после войны и их отец Павел Иванович. Правда, на пенсию его провожали не с комбината, но среди гостей добрая половина была и текстильщиков. Большая трехкомнатная квартира Хлониных с трудом вместила тогда всех желающих сказать доброе слово старому труженику, поздравить его. А Прасковья Ивановна, помолодевшая, раскрасневшаяся от радости, то и дело подводила новых гостей к покрытому зеркальным лаком приемнику «Латвия».

— Вот, нашего-то чем наградили. А вот еще грамота Почетная от Президиума Верховного Совета. И ему, и Виктору в один день такую же вручили. На собрании-то тогда даже подивились: ай да отец с сыном, говорят...

Павел Иванович смущенно покашливал в седые усы.

— Да уж будет тебе, мать, расхваливать-то...

— А чего ж и не похвалиться, коль по заслугам награда? Мы, Хлонины, завсегда такие, сызмалу к труду приучены, а по труду и честь. В такое уж время живем хорошее. Эх, если б наши родители посмотрели, как мы живем! Квартира трехкомнатная с флигелем, газ, вода холодная, вода горячая. Да разве ж мы о таком могли раньше меч-

тать? Я сейчас только об одном жалею: рано мы родились с дедом, годков бы по сорок сбросить. Так хорошо все кругом — жить да жить хочется.

Гости весело смеялись. Обняв мать, Нина подвела ей к зеркалу:

— Да ты и так у нас, мама, самая молодая. Гляди-ка, в сестры мне впору.

— А что?— озорно подбоченилась Прасковья Ивановна,— и в самом деле. Или нет, невыгодно молодеть, а то когда еще выращу такую вот большую да хорошую дочку, как ты у меня?

...Нина — младшая в семье, поскребыш, как ласково называла ее когда-то мать. Кроме нее еще три брата. До войны не больно какой достаток в семье был, да все не хуже людей жили. А вот как война началась — пришлось вдоволь горюшка хлебнуть. Отец в ту пору водил по Волге катер, важные грузы приходилось перевозить. Бывало, неделями дома его не видели. Мать поглядела-поглядела на такое житье-бытье, да недолго думая, собралась с ребятишками на паром к мужу.

— Время сейчас такое — негоже нам разлучаться. Погибать, так всем вместе.

Так и поплавали на катере всю войну. Мать за кока, ребята старшие наравне с другими матросами вахту несли, Нина тоже без дела не сидела. Даром что самая маленькая, только-только два класса закончила, а такая ухватистая — семья

заботы с ней не знала. Полю вымыть, выстирать что — ее о том не надо просить. Без напоминаний все так и горело в руках. Встанет, бывало, раным-рано и сразу за тряпку. И скоро — ни соринки кругом. А Нина уже на камбузе, стряпать матери помогает. Длинной-предлинной стружкой вьется картофельная кожура, и так же бесконечны материны рассказы об ее университетах жизненных, о прошлой жизни. Особенно запало в душу девочки, как горько сетовала мать, что не довелось ей учиться:

— Меня в первый класс отдали, а тут как на грех война с японцами началась, отца на фронт забрали. Мама меня сразу из школы и забрала. Только-только буквы мне и показали. Э-эх... Ничего-то я хорошего в детстве не видела.— И вздыхала тяжело:—Ты зато, дочушка, учись хорошенько...

Но это кому другому надо было повторять, а Нина и сама жадно тянулась к знаниям. Правда, посидеть вместе со сверстниками за партой ей в ту пору довелось совсем немного, лишь тогда, как катер вставал на зимовку. Один год и вовсе пропустить пришлось: валенок не было... А так все больше сама. Библиотечку, что на катере была, чуть ли не наизусть выучила, учебники по многу раз перечитывала, сама себе задания давала. Были и перемены, почти как в настоящей школе. Как-то маленький увертливый катерок не успел вовремя сманеврировать и попал

под обстрел. Взрослые забились под ненадежные укрытия, с минуты на минуту ожидая самого страшного. А Нина с братьями, раскрасневшиеся, возбужденные, носились по палубе, отшвыривая ногами горячие осколки, и никакими уговорами и руганью нельзя было заставить их отказаться от неожиданного развлечения... Так вот и проучилась Нина с третьего класса по шестой.

Закончив последнюю военную навигацию, Хлонины осели в Чебоксарах. Уже шла вторая четверть, когда Нина с матерью пришли в школу сдавать документы. Девочку долго не хотели принимать в седьмой класс. Завуч терпеливо убеждала Нину:

— Тебя же жалеючи говорю, посиди еще годик в шестом. Отстала ведь ты сильно, самой же трудно будет.

Но Нина, исподлобья глядя на учительницу, упрямо твердила свое:

— Посмотрим, кто еще отстанет, ваши ученики или я...

Так все-таки настояла на своем.

И вот в руках у нее новенькое, пахнущее типографской краской свидетельство об окончании семилетки. Одно из лучших в классе. Слабенькие условные тройки, которые Нина получала на первых порах, к концу года превратились в твердые четверки и пятерки. Очень хотелось учиться дальше, но семья в то время еле-еле сводила концы

с концами, так что приходилось думать о твердой специальности.

Куда же пойти? Кем быть.... Когда перед юностью впервые в жизни встает этот вопрос, она становится не в меру требовательной, разборчивой. Кажется, дай волю вчерашним школьникам, и весь мир будет состоять из одних геологов, летчиков, капитанов дальнего плавания и артистов. Нина тоже сначала колебалась: музыкальный (она неплохо играла на гитаре и гармошке-хромке, училась на аккордеоне) или водный? Водный — это была ее давнишняя мечта, да и отец, потомственный волгарь, не последнюю роль сыграл в этом выборе. Но тут решительно воспротивилась мать:

— И не думай! Нет на это моего согласия. Сегодня тут, завтра там, разве ж это женское дело?

Так Нина, неожиданно для самой себя, стала студенткой только что открывшегося в Чебоксарах текстильного техникума. Впрочем, скоро уже она перестала жалеть об этом. Говорили, что после окончания многих из них оставят работать здесь же, на хлопчатобумажном комбинате (он только что начал тогда строиться). Ну, а разве не заманчиво стать одним из первых специалистов на таком гиганте?

В техникуме девушка тоже была не из последних. Стипендию все годы получала, занимала призовые места на спортивных соревнованиях,

стихи писала — и говорят, неплохие, — ни один концерт без нее не обходился: пела, плясала. Кто-то из ребят даже в шутку нацарапал на ее тогдашней фотографии: «Артистка Н. Хлонина».

После техникума Нину оставили на комбинате, он только начал выдавать первую продукцию.

В ее дневнике появилась тогда ликующая запись: «Август 1952 года. Ура! Я — помощник мастера. Стажировка закончилась, началась самостоятельная работа. Не подкачай, Нина Павловна».

Казалось, вся жизнь впереди. Счастье, удача — все только в ее, Нининых руках, а уж она-то сама не подкачает, не выпустит из рук жар-птицу. Но... Разве угадаешь наперед, что ждет тебя, какой камень прячет для тебя за пазухой переменчивая судьба?

Первой почуяла беду мать, сердце-вещун подсказало. Утром 22-го декабря Прасковья Ивановна все глаза проглядела, дожидаясь дочь с ночной смены. И когда в дверь постучали, она приготовилась к самому страшному. И, каменея, услышала:

— Нине руку оторвало. Попала в машину, — и по самый локоть забрало.

Не помнит мать, как и до больницы добралась, каким нечеловеческим усилием сдержала слезы, взглянув на осунувшееся, без единой кровинки лицо Нины. А та одеяло повыше натягивает, глаза в сторону прячет.

— Ты только не волнуйся, мама, мне палец немного поцарапало...

— Дочушка, да от меня-то зачем таишься? Я ведь уже все знаю...

...Неслышно заглянули в окно сизые сумерки. А вслед за сумерками и их неразлучный спутник, сон-чародей. Закрыл, смежил усталые веки больных, принес измученным людям долгожданный сон и отдых. Только одну койку обходит великий чудесник: здесь он бессилен. И совсем одна, лишь наедине со своими невеселыми мыслями, осталась худенькая, большеглазая девушка. На людях храбрилась, даже улыбаться пыталась. А теперь... Теперь-то зачем сдерживать слезы? Еще вчера ей казалось, что этот вечер станет самым счастливым в ее жизни: на сегодня была назначена свадьба. Ее свадьба. Вот и отпраздновала...

Первое время ей, конечно, и жить не хотелось. Но ко всему привыкает человек. Правда, кто знает, сколько времени ей пришлось бы еще приходить в себя, если бы не Александр. Говорят, друзья познаются в беде. А он оказался для Нины самым верным, самым преданным другом. Часами просиживал парень в больнице, не спуская с нее влюбленных глаз. И жаркой волной благодарности заливало душу девушки за этот взгляд самого дорогого ей человека, подобно чудодейственному бальзаму действовали на нее его слова: «Брось, Нина, расстраиваться, не пропа-

дем. Трудно будет — домработницу возьмем, или няньку. Ну, родная, выше голову!..»

Вскоре после нового года они поженились.

Как самого заветного ждали Юхтановы ребенка. Но редко беда приходит в одиночку: первые роды были неудачными. Это был бы мальчик, сын. Был бы... Зато трудно передать Нинину радость, когда через год она впервые прижала к себе крохотную дочурку! И радостно, и боязно: как-то она вырастит ее? Ведь даже пеленку постирать самой трудно.

Но, как говорится, нужда всему научит. Только первое время добрым гением в семье молодоженов была Прасковья Ивановна, а когда Юхтановы получили новую отдельную квартиру, Нина все уже делала сама. И стирала, и вышивала, и даже шить пробовала на швейной машинке. Сначала что попроще: простыни, наволочки, а потом и все, что нужно. А разве мало дел дома? И хоть бы пожаловалась когда, — нет, все с шуткой, с улыбкой да задорной песенкой. Даже виду не подает, что устала. А ведь и немудрено устать: прибежит она домой после напряженнейшей смены, еще не остывшая от цеховых дел и забот. Что и говорить, нелегко, когда под началом у тебя более полуста человек, когда ты — начальник цеха.

Начальник цеха... Сейчас это уже стало привычным. А ведь десять лет назад приходилось все начинать заново: и к работе привыкать, да и

к людям. В цехе ее все очень жалели, только жалость-то порой как раз больше всего. В первые дни после больницы Нина стала страшно раздражительной, вспыльчивой. Идет, бывало, по цеху как по раскаленным углям. Почудится ей, что кто-то взглянул на нее, так и вскинется, обожжет взглядом:

— Ну, чего смотришь?..

Но день ото дня становилась она мягче, терпимей, оттаивала на людях. И до сих пор к горлу подкатывает комок, когда вспоминает она о том внимании, такте, с которым к ней относились на фабрике все. Она то и дело слышала слова, которые так помогли ей в первые дни после несчастья:

— Выше голову, Нина! Разве ж мы оставим тебя в беде?

И ей помогли. Ой, как помогли. Помощником мастера ей теперь, конечно, трудно было работать, и Нину Павловну послали на курсы мастеров. Вскоре она уже мастер родного чесального цеха. Чесальщица — важнейшая профессия на прядильной фабрике. У текстильщиков даже поговорка такая есть: как прочешешь, так и спрядешь. От чесального цеха зависит обрывность нити, а значит, и производительность труда прядильщиков. От прядильщиков же, это каждому известно, целиком зависит работа всего комбината. И когда Нину после нескольких лет работы мастером поставили начальником цеха, она из-

рядно поволновалась: справлюсь ли?.. Но руководство фабрики не сомневалось, что выбор сделан правильно. Дело в том, что в цехе все время проводится большая работа по модернизации оборудования, установка новых машин, и Нина Павловна принимает во всем этом самое живейшее участие. Собственно, модернизация цеха и Юхтанова — эти понятия неотделимы. Новые, не обкатанные еще чесальные машины очень капризны, норовисты, как необъезженный конь, и немало приходится повозиться, помучиться с каждой, прежде чем она «приживется, станет послушной». Не успеешь «приручить» одну, а на очереди уже другая, третья, десятая. И Нина с присущей ей увлеченностью вкладывает в дело всю душу, все свои знания. Другой раз кажется: ну, все, лучше не придумаешь. А начальник цеха недоволен: нет, не то... А что, если вот так теперь попробовать? И поиски начинаются сначала. И снова на фабрике шутят:

— Ну, и характер у тебя, Нина Павловна! Опять что-то мудришь, опять сама себе работу придумала...

Юхтанова только головой бесшабашно тряхнет; засмеется:

— Была бы польза, а к работе нам не привыкать... С детства приучены.

Теперь она даже представить себя не может где-нибудь на другом предприятии. «Кровью меня с цехом сроднило», — только и скажет другой

раз. Ей теперь даже неловко вспомнить, какой она взвинченной, обидчивой была когда-то.

— Как придешь к себе в цех — про все плохое забывается, сразу легче на душе становится. Нет, что ни говорите, а наш цех из всех цехов самый интересный.

Трудно перечислить все до единой обязанности начальника цеха. Каждый день приносит что-то новое, непредвиденное, и нужно здесь же, на месте, найти единственно правильное решение. И не только по чисто «производственным» вопросам. В цехе, в основном, женщины, и случись что, каждая идет прежде всего к начальнику.

— Нина Павловна, выручай, мне бы пару деньков за свой счет. Ребенок захворал, не с кем оставить.

— Нина Павловна, не могу я завтра в вечер работать. У нас завтра в школе контрольная, нельзя мне пропускать...

К Юхтановой работницы идут особенно охотно: ведь мужчине не все то скажешь, что женщине. Про Нину Павловну же давно ходит добрая слава: если может — поможет обязательно. И каких только исповедей не довелось ей услышать за эти годы. У одной с мужем не ладится: «Зашли бы как-нибудь вечером, поговорили с ним...». Другой надо помочь сынишку в ясли устроить, третьей — насчет квартиры похлопотать.

Да, нелегко, конечно, руководить людьми, особый талант на это требуется. Из дня в день приходится спрашивать с людей, порой и наказывать кое-кого. Иногда и голос надо повысить, неприятную правду в глаза сказать. Но когда люди видят, что ты идешь к ним с открытой душой, они сторицей оплатят тебе тем же.

...Два дома у Нины Павловны. Один — комбинат, цех, «который из всех цехов самый интересный». Несколько лет назад она вступила здесь в партию, и с тех пор цех стал для нее еще дороже. А другой дом — семья. Правда, здесь под ее началом куда меньше народу: муж да трое дочерей, только забот и хлопот с ними едва ли меньше. Но и с многочисленными своими «домашними» обязанностями она управляется весьма умело. Правда, иной раз и влетит кому-нибудь под горячую руку — всякое случается, — но обиды никто долго не таит, знают: мама у них все равно самая справедливая, самая лучшая. И Александр в таких случаях всегда принимает сторону жены. Впрочем, девочки и без слов видят, как уважает отец маму, как считается с ее мнением. Как-то раз они услышали такой разговор между старшими:

— Давно хочу, Нина, посоветоваться с тобой. Не по душе мне что-то работа в пожарной охране, за станком бы поработать. Как ты смотришь, если я на ЗЭИП перейду работать?

— Гляди, Саша, тебе видней. Но, пожалуй,

действительно переходит. По себе знаю, как это важно, когда любишь свое дело, с душой к нему относишься. Тогда и любая беда — полбеда.

По утрам теперь их дороги на улице расходятся. Нине — на комбинат, Александру — на завод. Зато вечерами дома долго рассказывают друг другу о прожитом дне.

— А у нас в цехе что сегодня было!..

— А у нас...

Или же, под восторженные вопли ребятишек, они в две руки пробуют только что купленный аккордеон. Александр учится играть, а Нина вспоминает давно уж забытое. И ведь слушаются пальцы, верно выводят мелодию! Умные, послушные пальцы... Как многому научились вы за последние годы. Никакой работы не чураетесь. Впрочем, сейчас куда легче стало — привычка. Стиральную машину как-то купили, тоже большое облегчение. Но самое главное, конечно, девочки. Особенно старшая. Хорошей помощницей растет. Когда бабушка Прасковья Ивановна приходит к дочери посмотреть телевизор, она не радуется на внучку:

— Ну и стрекоза, не по дням, а по часам растет. Такая же и ты, Нина, в войну была. Нет, вы только поглядите на нее: вся в мать-то. Так же прыгать, танцевать любит, как ты бывалоча. А как она на утреннике-то школьном представляла, я даже всплакнула от радости. Артистка настоящая. Вся в мать.— И украдкой вздыхает.—

Только не пускай ты ее больше в акробатический кружок. Неровен час, повредит себе что...

— Ничего, пусть закаляется, только на пользу все это идет. Что ж, раз со мной такое случилось, так мне и детей теперь под ватным колпаком держать? Если и упадет разок — не беда, только крепче станет. И шишки не повредят в жизни, это уж я по себе знаю.

— Ох, бедовая твоя головушка. И откуда в тебе столько сил-то берется, столько выдержки?

...Вот так она и живет. И только об одном сильно жалеет Нина Павловна, что в сутках всего двадцать четыре часа. Поступила она в заочный текстильный институт, проучилась два года, но пришлось пока прервать учебу, времени не хватает. Но обязательно доучится, не такой характер, чтобы останавливаться на полпути.

Как видите, точку ставить не приходится, — жизнь продолжается. Просто жизнь. Немало еще встретится в ней ям и колдобин, будет и хорошее, и плохое. Все дело в том, как на все это взглянуть, как отнестись, как пройти по своему жизненному пути. Ну, а Нина Павловна уже не раз доказывала, что чувствует себя в жизни; оптимизма, жизнелюбия ей не занимать...

ТАКАЯ ЛЮБОВЬ

Ритмично постукивают колеса, усердно пересчитывая бесконечные стыки рельс. За окнами мелькают телеграфные столбы, опоры высоковольтной линии; узорчато выделяются на фоне гаснущего вечернего неба шеренги деревьев. Но некому любоваться на всю эту красоту. В вагоне, шумном и говорливом всего лишь час назад, — тишина, все погрузилось в сон.

И только в коридоре у окна маячит одинокий пассажир, не первой уже молодости мужчина, подтянутый, с несколько замкнутым, даже суровым на первый взгляд выражением лица. Докурив папиросу, он машинально достает другую. Вдруг он улыбается чему-то своему, заветному, и лицо его сразу преображается, молодеет. Целый месяц человек не был дома. И завтра, наконец, увидит жену, девочек. Он пытается представить себе завтрашнюю встречу, и снова губы его трогает чуть заметная улыбка. Конечно, посыпятся вопросы дочерей.

— Пап, а пап, покажи свой табель,—как обычно потребует младшая.

— Не табель, а зачетная книжка,— рассудительно, «взрослым» тоном поправит ее сестренка.— Не можешь запомнить.

— Э-э, нет, теперь я с зачеткой навсегда распрощался, в деканат ее сдал. Зато вот, глядите!— Он торжественно вытаскивает из кармана небольшую синюю книжечку.— Вот он, диплом, да еще с отличием!

...Пассажиру кажется, что и колеса в этот миг отстукивают одно и то же: диплом, диплом, диплом... Для него сейчас эта тоненькая, в твердой темно-синей обложке книжица дороже всего на свете. И не потому, что она лежит вот уже со вчерашнего дня в его кармане, приятно напоминающая об окончании института. Нет, диплом для него дорог иным: с ним связаны трудные и в то же время счастливые годы жизни не только его самого, а еще и другого человека, самого ему близкого, верного...

Он, смущенно оглядевшись по сторонам, достает из бумажника тоненькую пачечку фотографий и задумчиво начинает перебирать их. Взгляд его задерживается на маленьком, потускневшем от времени любительском снимке: На нем вихрастые мальчишки с загорелыми открытыми лицами, на которых словно в зеркале отражается все, чем жили тогда эти беззаботные подростки-девятиклассники.

...Они только что сдали последний экзамен в школе и наслаждались свободой: хочешь — го- ный футбол, хочешь — целыми днями пропадай на Волге. Но было и желание заняться настоя- щим делом. Вот если бы наняться на сплав леса. Тут уж поработать пришлось бы наравне с рабо- чими, а сколько увидишь нового, интересного. Ребятам повезло, их зачислили в бригаду, взяли в рейс на плот. Сколько романтики было в этом плавании на плоту, в ночевках под открытым звездным небом, сколько неизвестного открывала им Волга на каждом повороте. Обрато возвра- щались пароходом. Как только сошли на берег в родном городе, решили сфотографироваться: нужно же было оставить память об этом первом в жизни значительном событии. И память оста- лась. Счастливые лица ребят, бьющая через край энергия, гордость за удачно завершенный рейс и, наконец, просто радость от того, что есть на свете Волга, солнце, чистое небо над головой. Вот этот, в центре, он, Василий Павлович, тогда еще прос- то Васька, Вася. Вместе с ребятами, тремя дру- зьями-«мушкетерами», худенькая большеглазая девчушка — Настя-восьмиклассница, первое мальчишеское увлечение Васи, его недопетая юность... Снимок этот сделан 21 июня 1941 года.

Воспоминания, как волны, бегут и бегут. Вот еще одна карточка. Опять на ней те же ребята, но повзрослевшие, возмужавшие — уже целый год идет война. Есть на снимке и Настя — не-

привычно серьезная, с настороженным взглядом больших глаз. Рядом с ней — он, Вася, тоже какой-то непохожий на себя: остриженный наголо, весь напрягшийся как струна. Завтра он уезжает на фронт.

Очень четко врезался в память Василия тот последний вечер дома. До рассвета ходили они с Настей по улицам родного городка, сидели на высоком берегу Волги. Говорили обо всем, но только одного слова почему-то избегали оба, хотя, конечно, его-то больше всех жаждали услышать друг от друга. Война, перевернувшая всю жизнь маленького волжского городка, сделавшая ее суровой, трудной и жестокой, не считаясь с возрастом, клала на их плечи непосильную тяжесть. Но души их, чувства оставались чистыми. Василию потом не раз приходилось видеть своими глазами, как смерть безжалостно пожирала на войне жизни таких же, как он, парнишек, которые, наверно, так и не успели никому сказать «люблю», оставить на девичьих губах первый робкий поцелуй...

Расставаясь у Настиного дома, они долго стояли молча, взявшись за руки.

— Я буду писать тебе каждый день.

— И я, и я...

Это было их первое объяснение в любви.

А скоро девушка получила долгожданное письмо — воинский треугольник. В нем было только наспех переписанное карандашом стихотворение:

«Жди меня, и я вернусь,

Только очень жди...»

Стихотворение, ставшее для неё талисманом...

Письма в первое время приходили часто. Настя знала уже, что после полковой пехотной школы Василия направили под Волгоград. Хоть сам он об этом ничего не писал, но она, читая между строк, догадывалась, где он и какой опасности ежедневно, каждую минуту подвергается. Сидя в классе и делая вид, что слушает объяснение учителя, она в мыслях уносилась к любимому, отводила от него вражеские пули, оберегала от осколков, теребила рукой его волосы в короткие минуты затишья... Мысленно она была там, рядом с ним, и под Новый год, в тот миг, когда радио донесло торжественный бой Кремлевских курантов.

А письма больше не шли. Ни Насте, ни матери Василия. И вдруг — снова треугольник. Но почерк на нем был другой, незнакомый. Фронт-вой товарищ Василия скупно сообщал, что он на его глазах погиб геройской смертью. Погиб... Трудно, просто невозможно было поверить этому слову. Она наотмашь било по голове, валило с ног. Сразу поникла, постарела на несколько лет мать Василия, горе наложило свою печать на всех его близких и родных. И только Настя не верила, она упрямо повторяла про себя ставшие до боли дорогими симоновские строки.

...Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера».

Потом Настя пошла к военкому и сказала:
— Отправьте меня на фронт! Добровольцем.
Василий узнал обо всем этом намного позже и часто ругал себя. Ругал за молчание. Хотел, чтобы было лучше, а вышло наоборот. Он лежал в это время в госпитале и не подозревал о письме фронтового друга, о том, что его дома уже похоронили заживо. Ведь специально не писал о ранении, чтобы не волновать. ...А произошло это тридцать первого декабря. Фашисты в те дни все еще упорно не хотели отходить от Волги. Бои шли не на жизнь, а на смерть. Не знал отдыха станковый пулемет Василия. И вдруг прямо перед ним разорвалась вражеская мина. Неведомая сила подбросила его вверх, перевернула в воздухе и швырнула обратно на землю. С лица закапало на руки что-то теплое, липкое. И он потерял сознание. Несколько часов пролежал солдат на снегу, не приходя в себя. Так он встретил Новый 1943-й год... А наутро, когда стих бой, его подобрала санитары.

Рану залечили, и снова война начала бросать его по разным фронтам, городам: Подольск, Се-

вастополь, Харьков, Кировоград, Минск, Варшава... И повсюду все эти годы в кармане его гимнастерки хранилась Настина фотокарточка. Она была для него бесценным талисманом, защищающим от вражеских пуль, от всех опасностей.

...Вот она, эта карточка, прошедшая с ним все бесконечные дороги войны. Василий долго, не отрывая взгляда, смотрит на потускневшую, покрытую густыми морщинами времени открытку, на выражение лица, знакомого до малейших черточек. Сколько раз, когда солдату было неуютно на душе, когда невыносимой становилась тоска, он доставал этот снимок из кармана. И усталость уступала место бодрости, грусть — вере в скорую встречу. Оставалось только чувство щемящего беспокойства за Настю: из ее писем он знал, что она тоже на фронте.

Но любовь пережила смерть. Они оба остались живы, дождались победы.

Настя вскоре после войны вернулась домой, в родной город. Василий продолжал служить. Встретились они только в сорок восьмом году, когда он приехал в отпуск. Тогда же сыграли и свадьбу. А через два года Василий демобилизовался.

...Стучат и стучат колеса, словно наматывая на себя нить воспоминаний, будто отсчитывая бесконечные жизненные пути, события, дни и годы. Василий бросает в полуопущенное окно давно погасшую папироску и заходит в купе, ложится.

Но все равно не спится. О чем это он только что думал?.. Ах, да... Опять вспомнил о дипломе. Им ведь Василий тоже обязан Насте, да еще как обязан.

Об учебе он немало думал еще в армии, мечтал поступить после демобилизации в институт. Но как быть, если ты уже в ответе не только за себя, но и за жену и годовалую дочку, если тебе уже двадцать шесть и со дня окончания школы прошло целых восемь лет, и все-таки ты знаешь, что не можешь не учиться дальше?..

На семейном совете решили: они переезжают в Чебоксары, и там Вася поступит в электромеханический техникум, одновременно будет работать. Но ни заочного, ни вечернего отделений в тот год в техникуме не было, пришлось поступить на дневное. Только никак не мог демобилизованный солдат найти подходящей ночной работы. Выручил случай. Как-то встретился на улице с бывшим одноклассником, разговорились, и оказалось, что в котельной электроаппаратного завода есть место. Туда и устроился Василий. Днем учился, а ночью следил за дымососами, вентиляторами, устранял неисправности.

К работе привык быстро, освоился, а вот с учебой было сложнее. То, что для вчерашних школьников — в группе почти все были такие, — не представляло никакой трудности, ему казалось китайской грамотой. За восемь лет все основательно забылось, приходилось каждую свободную

минуту отдавать учебникам. Первые полгода он не только забыл, что такое кино, театр, отдых, но даже выспаться ни разу не удавалось по-человечески, досыта. Да и условия дома мало подходили для учебы. Снимали они тогда крохотную каморку под самой крышей, настоящую голубятню. И заниматься-то в ней можно было только сидя или лежа, такая она была низкая.

Часто болела маленькая Танюшка. Василий с горечью убеждался, как тяжело Насте, как она разрывается между работой и семьей. А заработки у обоих были не ахти какие большие, порой едва сводили концы с концами. Настя ни на что не жаловалась, все делала сама, даже за водой не разрешала сходить ему — нечего, мол, отвлекаться пустяками! Василий ругал себя в душе последними словами, что ни в чем не помогает ей, и решил в конце концов бросить техникум. Но Настя решительно воспротивилась:

— И не смей даже думать! — горячо убеждала она мужа. — Это сейчас только трудно, пока не привыкли, не втянулись. Ничего, перебьемся. Не сидим ведь без куска хлеба.

Техникум Василий закончил с отличием. А через три года поступил в Московский заочный политехнический институт. Работал он уже мастером, учиться стало легче, но времени не хватало по-прежнему.

Да и у Насти прибавилось хлопот. У них родилась вторая дочь, за ней появилась и третья.

А какая женщина не знает, что значит и работать, и вести хозяйство, и растить детей. Настя оберегала Василия от всех домашних дел, старалась уйти куда-нибудь с малышами, чтобы он спокойно занимался, жертвовала редкими минутами отдыха, чтобы помочь ему. Другой раз так уставала, что совсем опускались руки. Порой она страшно завидовала другим семьям, которые часто могли бывать в кино, ездить в выходные дни за Волгу. Другой раз даже плакала втихомолку. Но когда Василий приходит домой, встречала его ободряющей улыбкой, шутками, неизменным вопросом: «Ну, как дела?» Всё в порядке? Рассказывай!..

И он рассказывал. О том, как его принимали в партию, о том, что приближается время ехать в Москву на сессию, о занятиях кружка техминимума, которым он руководит. И конечно же, о работе, в которую он прямо-таки влюблен.

Потом в семью пришла еще одна большая радость: на Новый год они получили квартиру: в новом доме, на центральной улице города. Тане уже пошел тринадцатый год, и по дому поможет, и за малышами присмотрит. Хотя какие они теперь малыши — вторая дочка нынче в школу пошла.

А поезд мчится вперед и вперед. Колеса продолжают отстукивать свое бесконечное: «Диплом», «дип-лом», «дип-лом». Домой, к Насте — с дипломом!..

...Да, бегут годы, меняется жизнь. Вот и еще одну ступень прошли по ней Василий с Настей. Шли плечом к плечу, рука в руку. Настя для него и сегодня такая же родная, самая единственная, как и двадцать с лишним лет назад. Не расплескали они с годами своих чувств, бережно пронесли их через тяжкие дороги войны и не дали затухнуть, раствориться в житейских буднях, в повседневных заботах и хлопотах.

* *
* *

Вот и подошел к концу маленький рассказ о большой любви двух сердец. Но конец только очерку, а любви их, неброской, может быть, даже незаметной для чужого глаза, но нежной и мужественной, щедрой и требовательной, долго-долго еще не будет конца...

Кто же они, Вася с Настей? Где и кем работают? Почему не указаны ни фамилии их, ни адрес? Кое-кто из читателей, возможно, останется в претензии на автора, что не дает ответа на эти вопросы. Но что поделаешь, если герои очерка не захотели этого, если они посчитали, что не очень скромно афишировать свои чувства. Да и стоит ли их за это строго судить, ведь любовь для человека — самое заветное, самое дорогое, и не очень-то она стремится быть на виду и не всегда ей нравятся чужие взгляды. Но поверь, читатель: и Настя и Вася живут в том же городе,

что и мы, работают так же, как и все. И не беда, если кто-то в этой истории увидит многое такое, что было и с ним, или в Насте и Васе вдруг узнают соседей по квартире, сослуживцев. Ведь вокруг нас очень много хороших людей, согретых большой любовью. Любовью, которая жить и творить помогает.

Мы строим коммунизм. Что в мире краше,
Чем этот труд! Где доблести предел?
Предела нет! А кто сказал, что наша
Любовь должна быть мельче наших дел?

ВАЛЕНТИНА АНДРЕЕВНА ИВАНОВА

ПРОСТО ЖИЗНЬ

Очерки

На русском языке

Чувашкинигиздат — 1963 г.

Худож. редактор **П. Сизов**

Редактор **Г. Орлов**

Технич. редактор **Л. Иванова**

Корректор **Ю. Т. Миронова**

НТ 02237. Сдано в набор 30/V-1963 г. Подп. к печати 15/VII-1963 г.
Изд. № 81. Формат 60×92 1/32. Объем 1,625 печ. л. Уч.-изд. 1,463 л
Заказ № 2048. Тираж 1000 экз. Цена 4 коп.

Типография № 1 Министерства культуры Чувашской АССР.

Город Чебоксары, ул. Володарского, д. № 5.

Цена 4 коп.